

НАТАЛЬЯ ПРОНИНА

ЩЕРБЕЦ. УДАР СКВОЗЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ

*Посвящаю светлой памяти Мамы,
А. Н. Прониной, 58 лет жизни отдав-
шей преподаванию русского языка
в школах Киева.*

Когда в выпусках “Новостей” звучат сообщения об очередном шествии по центральным улицам Варшавы польских ультраправых радикалов с лозунгами “Мы помним Львов и Вильнюс!”, или когда вновь и вновь приходится узнавать о попытках “западных партнёров” дестабилизировать, взорвать изнутри Белоруссию, у меня перед глазами часто возникает “Щербец” – старинный меч королей Польских. Вот уже более семи веков он хранится в готическом зале королевской сокровищницы, которая расположена на Вавельском холме Кракова, древней столицы Польши. Начиная с XIII столетия и вплоть до 1764 года, этот меч неизменно использовался при коронации всех польских монархов. Согласно тщательно соблюдавшемуся ритуалу, меч вручался королю сразу после миропомазания, но прежде возложения на голову короны. Архиепископ Гнезненский, первоиерарх польской католической церкви, торжественно брал в руки лежащий на алтаре обнажённый меч и вручал его стоящему на коленях королю. Приняв меч, тот, в свою очередь, передавал его коронному мечнику, который вкладывал оружие в ножны и прикреплял к поясу короля. После этого монарх поднимался с колен, поворачивался лицом к присутствующим на церемонии и, обнажив меч, трижды осенял себя крестным знамением. В эти волнующие мгновения те, кто стояли близко, наверняка могли видеть на сверкающем стальном клинке небольшую зазубрину, или по-польски – щербину, по которой меч и получил своё название – “Щербец”, – меч Болеслава Храброго...

Ныне сей древний клинок – единственный сохранившийся из всех прежних важнейших королевских регалий Польши. Предание утверждает, что это именно тот самый меч, который Болеслав Храбрый выщербил, ударив им в Золотые ворота Киева в 1018 году. И пусть на самом деле киевские Золотые ворота были построены лишь в 1037 году, спустя 12 лет после смерти Болеслава, а сам меч, как установили исследователи, изготовлен не ранее последней четверти XII века и не позднее первой половины XIII-го, суть, как говорится, не в этом. Суть в том, какую “программу действий” подспудно заключало в себе это предание, эта древняя память о мече, которым из века в век благословляли “на царство” польских монархов католические прелаты... Здесь действительно есть что вспомнить. Вспомним же, читатель, и мы с вами.

Впервые Щербец упоминается в древнейшей “Хронике Великой Польши”¹, автором начальных глав которой историки считают хрониста Галла Анонима. По его словам, Болеслав Храбрый получил меч из рук ангела, внушившего королю мысль о необходимости завоевательного похода на Русь. Волю ангела Болеслав исполнил, и поход оказался столь успешным, что полякам удалось захватить даже главный город сопредельного государства – Киев. С того момента, подчёркивает хронист, “этот меч до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, отправляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами”².

А воевали тогда много. Собственно, само время – эпохи Раннего, а затем и Высокого Средневековья – было временем нескончаемых военных конфликтов, то затухавших, то разгоравшихся вновь. Над феодально-раздробленной Европой царил только одна гогучая, всеобъемлющая власть – папского Рима. Влияние западно-христианской католической церкви стало поистине безграничным, ей подчинялись и императоры, и короли. Уже к середине X столетия она, подобно гигантскому пауку, покрыла сеть своих епископств и архиепископств почти все земли Западной Европы, начала упорное, методичное продвижение на земли славян Центральной и Восточной Европы.

Этот неудержимый порыв к мировому господству, к созданию “универсальной христианской империи”, главой которой стал бы, по словам понтифика Григория VII, “наместник Бога на земле” – Папа Римский³, весьма закономерно совпал в тот период с не менее агрессивными замыслами молодой, стремительно набиравшей силы Германской империи. Именно благодаря возникшему тогда “священному союзу” между Римской церковью и немецким рыцарством стал возможен их совместный *Drang nach Osten*, первыми жертвами которого суждено было оказаться полабским и поморским славянам.

Как отмечает исследователь, несмотря на то, что племена эти были многочисленны, заселяя в VI–X столетиях практически весь центр и северо-восток современной Европы, имели высокоразвитую культуру и создавали уже первые основы собственной государственности, именно по причине первоначальной слабости своих только ещё формировавшихся государственных объединений славяне не смогли дать достойный отпор агрессору. Древние германцы вели наступление организованно, сплочённо, целенаправленно, концентрируя все силы на захват земель соседей, их полное политическое и духовное (путём насильственной христианизации) порабощение. Славяне же, хотя и оказывали сопротивление этому жёсткому напору, но одновременно почти не прекращали взаимно изнурительные междоусобные войны, что многократно ослабляло их способность к защите от общего противника. Более того, немцы умело использовали неурядицы между славянами и сами стремились их стравливать, используя ещё со времён античности известный принцип *divide et impera*. При этом в ход нередко пускался прямой подкуп славянских князей, а также членов их семей или представителей знати дорогоими дарами, золотом, обещаниями всяческих привилегий. И тогда, в результате предательского подчинения “верхушки” вражескому влиянию, уже целые племена славян оказывались втянутыми в фактический союз с немцами, шли вместе с ними воевать против своих сородичей и единоверцев. Всё это вместе взятое, подчёркивает историк, и решило участь балтийских славян⁴: огнём и мечом всем было навязано крещение по латинскому обряду, все они были немечены, и очень скоро полностью исчезли с этнической карты Европы, не оставив в истории ничего, кроме легенд и древних развалин языческих храмов-святилищ.

Так, если до XI столетия восточная граница Германского государства проходила по Эльбе (Лабе), то уже к XII веку в результате агрессивных походов немецких граница Германии была отодвинута далеко за Эльбу, и её территория увеличилась примерно вдвое. Главными приобретениями этого “Первого Рейха” стали как раз земли Полабья, Поморья и области Восточной Прибалтики, а основной движущей силой захватов – “идейно вдохновляемое” Римской церковью алчное немецкое рыцарство, которому было мало добычи, взятой во время первых крестовых походов на мусульманский Восток и которое стремилось к лёгкой наживе путём грабежа соседних земель славян.

На этих постепенно захватываемых славянских территориях уже в 968 году первый германский император Оттон I Великий по благословлению папы

Иоанна XIII учредил Магдебургское архиепископство – для активной миссионерской деятельности латинских проповедников. В подчинение ему были переданы основанные ещё 20-ю годами ранее Бранденбургское и Хафельбергское епископства, а также новые диоцезы в Мерзебурге, Цейце, Мейсене и Позене. Оттон Великий щедро одарил архиепископство землями, доходами, правами пользования. О том, сколь “мирно и благостно” действовали новые хозяева, свидетельствуют массовые восстания славян – лютичей и бодричей, вспыхивавшие в 983-м, 988-м, 994-м, 997 году, а равно и то, каким зверским образом немцы эти восстания подавляли⁵.

Практически одновременно и теми же методами утвердилась власть западно-христианской церкви и на землях южнославянских народов – чехов, хорватов. Только болгары и сербы, восприняв ортодоксальное христианство от Византии⁶, смогли сберечь свою духовную независимость от папского Рима, сохранили приверженность Православной церкви и православной литургии на родном славянском языке.

И здесь, читатель, мы подошли к событиям, особенно важным для нашей темы. Дело в том, что во второй половине X века оказался вовлечённым в сферу римского влияния первый создатель единого Польского государства – князь Мешко I из династии Пястов. В 966 году именно он, приняв христианство по латинскому обряду, положил начало массовому крещению подвластных ему польских земель. Как отмечают историки, князь пошёл на это, прежде всего, ради того, чтобы, во-первых, улучшить отношения с германским императором Оттоном I Великим, вассалом которого он являлся с 963 года⁷, и, во-вторых, заручиться поддержкой императора в своих собственных войнах против соседей – лютичей, у которых хотел отнять (и впоследствии действительно отобрал) Западное Поморье, то есть выход к Балтике. Понятно также, что данный шаг способствовал утверждению молодого Польского княжества на международной арене, включал его в культурно-политическую общность западно-христианской Европы, на польских землях начали распространяться латинский язык и письменность. Вслед за князем Мешко приняла христианство его зять, был принуждён отказаться от древних языческих верований и принять крещение простой народ.

Акция, таким образом, проводилась сугубо “сверху”, не столько посредством “мирной проповеди и добровольного обращения”, сколько при самом непосредственном участии карательных сил князя, почему и заняла совсем немного времени. Уже несколько десятилетий спустя, в 999 году в римской канцелярии папы Сильвестра II сочли возможным и необходимым учредить на польских землях довольно крупное архиепископство с главной кафедрой в городе Гнезно. Торжества по этому поводу назначили на следующий, 1000 год, и они счастливо совпали с торжествами по случаю официального принятия тогдашним правителем Польши – князем Болеславом⁸ – титула короля, что также благословил папа. Средневековый хронист сообщает: празднества сии были очень пышными, ознаменовались личным прибытием в Гнезно германского императора Оттона III, который собственноручно и “возложил на голову Болеслава королевскую диадему”⁹. Но в сущности... В сущности, указывает исследователь, создание нового крупного церковного центра не только укрепляло позиции польского монарха, но и ставило его в зависимость. Ибо отныне новообразованное Гнезненское архиепископство “вступало в непосредственные отношения с римской курией, превращалось в орудие папской политики на Востоке”¹⁰, отчего и само достаточно обширное Польское государство с течением времени превратилось в наиболее действенный, главный форпост католицизма на Востоке Европы.

Иными словами, подобно тому, как в ходе борьбы древних германцев с полабскими славянами совпали агрессивные устремления немецкого рыцарства и католического духовенства, то же произошло и после христианизации земель Польши по латинскому обряду: провозглашая священную необходимость нести “свет истинной веры” народам, “погрязшим во тьме язычества” (или “схизмы”, как станут говорить после Великого раскола 1054 года), папский Рим теперь прямо благословлял (а подспудно и руководил) все захватнические походы польских королей. Рим жаждал новой паствы, Польша – новых земель. Всё это они рассчитывали заполучить там, где начинались бескрайние пространства Руси, владения империи Рюриковичей...

Хотя исторической точности ради следует отметить: неоднократные попытки проникнуть на Русь с миссионерскими целями Рим предпринимал ещё задолго до начала XI века. Практически на протяжении всей второй половины предшествующего столетия папы, как минимум, три раза отправляли свои посольства в Киев, пытаясь установить контакты с его князьями и прощупать возможности навязать крещение по латинскому обряду как самим князьям, так и их землям, о чём есть великолепное исследование советского историка Б. Я. Рамма. Но все попытки раз за разом неизменно терпели крах, посольства покидали пределы Руси, не достигнув никаких результатов. И особенно жестоким провалом папской дипломатии явилось решение Великого князя Киевского Владимира Святославича всё-таки принять христианство, но не из рук Рима, а от православной Византии, что было осуществлено в 988 году. Именно после этой вопиющей неудачи стратеги с Ватиканского холма сделали для себя окончательный вывод: чтобы подчинить Русь, необходимо не только крест, но и меч. Мечи стали ковать в новообращённой Польше, где к Владимиру Святославовичу имелись и собственные счёты...

Дело в том, что ещё в 981 году князь Владимир предпринял против неё поход с целью возвращения Червенских городов – Перемышля, Белза, Червена и др., то есть городов Червонной (Красной) Руси (в дальнейшем известной в истории как Галиция, Галицкая Русь – по названию главного, “стольного” города Галича), которые Польша захватила, воспользовавшись ослаблением и тяжёлым положением древнерусского государства во время малолетства Владимира. (К слову, по поводу данного похода между историками издавна идёт спор: польская историография считает эти города изначально западнославянскими – то есть польскими – и потому рассматривает военный бросок киевского князя в 981 году как акт агрессии со стороны Руси. Отечественные же исследователи настаивают на том, что область Червенских городов – искони древнерусская территория, заселявшаяся восточными славянами и входившая в состав империи Рюриковичей ещё во времена Олега Вещего. Следовательно, Владимир, отвоевывая эти земли у Мешко, ставил своей целью отнюдь не захват новых владений, а желал только восстановить прежние западные границы Руси.) Но окончательно решить эту проблему князю Владимиру тогда не удалось.

Столкновения за Червенские города возобновились десять лет спустя, уже после того, как Владимир исполнил главное дело своей жизни – крестил Русь. В 992 году, гласит “Повесть временных лет”, князь снова воевал с Мешко “за многие противности его”¹¹ и в бою за Вислой одержал полную победу: Червенские земли отошли под власть Киева. Засим король Мешко умер, но дело отца немедленно продолжил сын – Болеслав Храбрый, занявший польский престол. Война вспыхнула с новой силой и продолжалась вплоть до 1008 года...

Лишь в 1009 году, уже изрядно вымотав друг друга, оба правителя сочли необходимым заключить мир, скрепив его брачным союзом своих детей: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира, Святополка Владимировича, князя Туровского, земли которого граничили как раз с Польшей и на которые она тоже, к слову, издавна имела свои виды¹².

Трудно допустить даже мысль, что в этом “миролюбивом” жесте со стороны короля Болеслава не таился тонкий расчёт, подсказанный ему и из Рима, и из Гнезно. Ибо, как свидетельствует знаменитый немецкий хронист Титмар Мерзебургский, в качестве духовника польской принцессы Болеславны на Русь ко двору Святополка Владимировича был отправлен епископ колобрежский Рейнберн. В 1013 году, едва прибыв в Туров, сей муж начал умело склонять Святополка отказаться от “греческой веры”, принять “истинно-католическую” и поднять восстание против собственного отца – Великого князя Киевского Владимира¹³. Другими словами, под руководством клирика-латинянина возник антигосударственный заговор с целью захвата власти, в который был вовлечён не просто один из сыновей Владимира, но именно его старший сын, возможно – наследник престола!.. Так впервые реально проявилось стремление католического Запада путём вмешательства во внутренние дела Руси посадить в Киеве своего ставленника и подчинить её своему влиянию.

К счастью, заговор быстро был раскрыт. Как сообщает Титмар Мерзебургский, узнав об измене сына, Владимир приказал схватить Святополка, а также его жену вместе с духовником, и всех троих посадить в темницу, где

падре Рейнберн вскоре умер. Но... главная беда всё равно была ещё впереди: 15 июля 1015 года в своей загородной резиденции Берестово после тяжёлой болезни скончался сам старый князь Владимир...

Воспользовавшись смертью отца, Святополк вышел на свободу и захватил власть над Киевом. По праву старшинства он мог и стремился немедленно занять опустевший киевский престол, но очень вероятно также, что Святополк опасался возможного противодействия со стороны братьев, которые вряд ли не знали о его измене. Святополк понимал, что за власть предстоит бороться, бороться тяжело. Именно для того, чтобы выиграть время и лучше собраться с силами, а главное, успеть оповестить тестя-короля, Святополк, сообщает русский летописец, в первые дни по кончине отца даже попытался не предавать огласке (“потайша”) сам факт его смерти¹⁴.

Однако эта козунственная попытка была пресечена сохранившимися верностью Владимиру. Как опять же сообщает русский летописец, они тайно, ночью, завднув тело почившего государя в ковёр (то есть фактически выкрав), вывезли его из загородного Берестовского дворца в Киев. Наутро гроб с телом князя стоял в главном храме Руси — Десятинной церкви, где началось всенародное оплакивание почившего¹⁵.

Тем не менее власть над Киевом продолжала оставаться в руках Святополка, и он предпочёл действовать уже на опережение, тем самым первым развязывая в стране гибельную междоусобицу. “Изобью всю братию свою и приму власть русскую един”¹⁶, — заявил он. Далее последовали убийства: специально подосланными наёмниками были умерщвлены трёхгодовалый князь Святослав, князь Борис и князь Глеб. Именно за эти убийства народ навеки прозвал Святополка Окаянным.

Но оставался ещё один брат, правда, сводный, сын первой жены Владимира, Рогнеды — Ярослав. Он княжил в далёком Новгороде, и добраться до него было непросто. К тому же о смерти отца, о том, что Святополк “сидит в Киеве, убив Бориса и Глеба, и ты берегись сего”¹⁷, Ярослава успела предупредить его сестра Предслава. Русский летописец свидетельствует: получил тревожные вести из стольного Киева, Ярослав сильно опечалился. В тот же день он собрал новгородское вече и обратился к нему со следующими словами: “Братья! Отец мой Володимир умерл есть, а Святополк княжит в Киеве, избиша братью, хочу на него поити, потягнете по мне?...”¹⁸

Новгородцы ответили князю согласием, и Ярослав выступил на Киев с дружиной в 4000 человек (число указывается в Новгородской Первой летописи). Князья встретились осенью 1015 года под городом Любечем, где Святополк был наголову разбит новгородцами и позорно бежал в Польшу, к своему тестю Болеславу¹⁹. Ярослав же торжественно въехал в Киев и занял отцовский престол.

Так как в это время король Болеслав был занят собственными войнами с соседями, то оказать поддержку потерпевшему полное фиаско мужу дочери он сразу не смог. Только в 1018 году, уже получив, вероятно, “судьбоносное благословение ангела”, король Польши повёл на Русь сильное войско, в котором вместе с поляками шли наёмники практически со всей Европы — венгры, немцы, печенег. Шёл также и сам Святополк Окаянный, вместе с остатками своей разбитой дружины.

22 июля 1018 года Болеслав подошёл к реке Западный Буг и, разбив лагерь недалеко от города Волыня²⁰, отдал приказ наводить мосты для переправы. Туда же подошёл Ярослав, “совокупив русь и варяги, и словены”²¹. В состоявшейся через три дня битве военное счастье ему изменило. Рати Ярослава были полностью разбиты союзными войсками Болеслава Храброго. Разгром оказался столь ужасным, что Ярослав вынужден был спасаться бегством — прямо в далёкий Новгород, не предприняв даже попытки задержаться в Киеве и организовать его оборону. Обо всём этом повествует в своей Хронике уже цитированный нами выше Титмар Мерзебургский. Следует отметить, что в данном случае автор являлся непосредственным современником описываемого события, писал по горячим следам и, как считают исследователи, у немецкого хрониста были прекрасные информаторы — саксонские рыцари, лично принимавшие участие в походе на Русь в составе войск короля Болеслава²².

“О масштабах неудачи Ярослава свидетельствует не только факт уничтожения значительной части его войска и отказ князя защищать Киев, —

подчёркивает современный историк, – но и то, что он, не чувствуя спокойствия даже в Новгороде, собиравшись отправиться в Скандинавию. Лишь вмешательство новгородской верхушки, оказавшей ему значительную помощь, заставило Ярослава решиться на продолжение борьбы, которая позднее снова привела его на киевское княжение”²³.

Массовый разгром дружины Ярослава в битве у реки Западный Буг открыл захватчикам прямой путь на стольный Киев. Титмар Мерзебургский свидетельствует: “Хотя жители и защищали (город), но он всё же довольно быстро сдался чужеземцам; оставленный своим обратившимся в бегство королём, Киев 14 августа принял Болеслава и Святополка, своего долго отсутствовавшего господина; из расположения к нему и из страха перед нами вся эта страна перешла на его сторону”²⁴.

Именно в тот день, утверждает польский хронист Галл Аноним, торжественно вступая в поверженную столицу Руси, король Польши Болеслав Храбрый и ударил со всей силой мечом по её Золотым воротам. “Спутникам же своим, удивлявшимся, зачем он это сделал, <король> с язвительным смехом сказал: “Как в этот час меч мой поражает Золотые ворота города, так следующей ночью будет обещана сестра самого трусливого из королей. . .”²⁵. Речь шла о сестре Ярослава – Предславе. Той самой Предславе, которая успела предупредить брата о вероломных действиях Святополка Окаянного.

Так, посредством открытой военной помощи извне, со стороны старых политических врагов своей земли, Святополк Окаянный всё же добился желанной власти. Блестяще добились (вроде бы) своих потаённых целей и те, кто стоял за спиной князя-изменника, руководя им и помогая его действиям. Теперь, когда на трон был водворён их ставленник, они могли делать в захваченном государстве всё, что им требовалось. Но, как сказали бы ныне, в XXI веке, у захватчиков явно что-то пошло не так, вопреки их твёрдым расчётам. . .

Как подчёркивает историк П. П. Толочко, хотя формально власть находилась в руках Святополка, но фактически хозяевами положения в Киеве являлись поляки. “Они были единственной реальной силой, на которую мог опереться Святополк и от которой всецело зависел. Расквартировав гарнизоны наёмников в Киеве и ближайших пригородах столицы, он не беспокоился о том, что они беспощадно грабили мирных жителей”²⁶. Однако сами мирные жители долго терпеть подобное положение не захотели. Уже вскоре вызванная поляками ненависть достигла такой точки кипения, что киевляне, вооружаясь кто чем мог, начали убивать иноземных захватчиков, сообщает летописец, “отай” (то есть тайно).

Надо думать, Болеслав Храбрый быстро понял, чем грозит ему эта подспудно вскипавшая ненависть народа. И. . . Позабыв про свою рыцарскую храбрость, счёл за лучшее уйти сам и увести своих доблестных воинов – как говорится, без спешки, вместе с громадными обозами награбленной добычи. Тогда же вновь отошли к Польше и Червенские города”²⁷.

Вместе с позорным уходом из Киева польского короля Болеслава оказались сорванными и планы новой “христианизации” Руси по латинскому обряду. Вероятно, за тот короткий срок²⁸, что поляки хозяйничали в Киеве, к реализации этих планов просто не успели приступить. Как констатирует исследователь, “в источниках нет прямых указаний на попытки захватчиков навязать католицизм русскому населению. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что такие попытки имели место и что состоявшие при войске Болеслава католические монахи и епископы бездействовали. Сохранилось известие о том, что спустя три года после бегства Болеслава Храброго из Киева он добивался у папы Бенедикта VIII назначения особого “епископа для Руси”, в качестве которого был послан некий Алексей-болгарин”²⁹. Но это, повторим, будет уже потом, три года спустя. А пока. . .

А пока, брошенный тестем-союзником, в Киеве остался лишь Святополк один на один с ненавидящим его народом. Подошедшая дружина новгородцев во главе с князем Ярославом без труда овладела городом. Святополк бежал к печенегам и, заручившись поддержкой кочевников, вновь попытался идти на Ярослава с целью отобрать у него Киев. Но судьба Окаянного была, видимо, уже предreshена. В сражении на берегу реки Альты Ярослав нанёс ему сокрушительное поражение, Святополк бежал неизвестно куда, с того момента след его окончательно теряется в истории. По данным Лаврентьевской

летописи, во время бегства Святополка разбил паралич: “расслабишься кости его, и не може сидети на кони, несоша его на носилках”³⁰. “Ярослав же, — заключает летописец рассказ об этих событиях, — седе в Киеве, утёр пот с дружиною своею, показав победу и труд велик”³¹. Ему предстояло править ещё 36 лет, и это время останется в памяти потомков как время Ярослава Мудрого, время наивысшего расцвета Древнерусского государства.

Кризис, возникший при прямом вмешательстве внешних враждебных сил, был преодолён. Молодая раннефеодальная империя Русь, внутренне сплотившись, сумела отстоять свою государственную независимость и свой религиозный выбор в пользу Православия. Однако, как показала вся дальнейшая тысячелетняя история нашего Отечества, ПЕРВЫЙ ЗАХВАТ КИЕВА В АВГУСТЕ 1018 ГОДА войсками Болеслава Храброго, состоявшийся с благословения духовного лидера средневековой Европы — римско-католической церкви, — стал только ПЕРВЫМ ПРОЯВЛЕНИЕМ, первым реальным случаем политико-религиозной и вооружённой борьбы за земли Руси, столкновением общеевропейского масштаба, которое открыло собой целую цепь непрерывных попыток Запада, не закончившихся и сегодня, так или иначе эти земли захватить, подчинить их своему влиянию.

Век за веком борьба эта велась Западом изощрённо и коварно, как методами невяной духовной агрессии, так и путём открытых вооружённых нашествий, достигая значительных успехов именно в периоды государственного ослабления Руси, её фактического распада, когда, утрачивая державное единство, русские земли теряли и способность к самозащите. Так случилось, например, после огненного нашествия монгольских орд 1237–1240 годов, которое положило конец историческому существованию огромной империи Рюриковичей, простиравшейся от Новгорода до степей Северного Причерноморья. Единственным государственным образованием на её крайнем юго-западе, сумевшим выжить и просуществовать без малого ещё целое столетие, было Галицко-Волынское княжество — богатые, плодородные земли тех самых Червенских городов, за обладание которыми воевали между собой ещё князь Владимир Креститель и король польский Мешко I и где позднее сошлись в битве на реке Западный Буг войска Болеслава I и дружина князя Ярослава.

Повторим, без малого ещё целый век правители этой земли (самым прославленным среди которых является, конечно, Даниил Романович Галицкий) вели борьбу за сохранение своего княжества как самостоятельного государства. Хорошо известно: гордо не желая поклониться Батыю и принять монгольское подданство, Даниил Романович пошёл даже на переговоры с папой Иннокентием IV, надеясь, что Рим окажет ему помощь, организовав крестовый поход против кочевников. Но надежды эти оказались тщетны, никто в Европе помогать Даниилу Галицкому сражаться с восточной ордой не собирался. Обещая князю поддержку Запада, римский понтифик стремился лишь к одной цели — вынудить Даниила в обмен на обещания помощи принять католичество и признать верховную власть папы над всеми землями Галицко-Волынского княжества. Ничего, кроме королевской короны, возложенной на его голову папским легатом в 1253 году, Даниил не дождался³². Должно быть, это горькое разочарование, безысходность сказались на здоровье ещё не старого князя: он тяжело заболел, почти ослеп, в 1264 году Даниила не стало. Галицко-Волынское княжество начало медленно, но неуклонно погружаться в габельный хаос внутренних мятежей и территориального распада, чем незамедлительно постарались воспользоваться соседи — Венгрия³³, Литва, Польша...

Так, весной 1323 года гибель настигла последних прямых наследников Даниила Романовича, князей-соправителей Галицко-Волынского княжества — братьев Андрея и Льва Юрьевичей³⁴ (предположительно, они погибли в борьбе с Золотой Ордой), и в том же году поляки вторглись в Галицию. Результатом этого похода стало то, что местные галицкие бояре, сознавая невозможность противодействовать агрессору, сами решили изгнать своего князя Владимира Львовича (последнего представителя рода Рюриковичей на галицко-волыньском княжении), и пригласили на престол юного польского принца Болеслава Мазовецкого из династии Пястов.

Словно делая ответный дружественный шаг по отношению к своим новым подданным, Болеслав, вступая на престол во Владимире Волыньском, изъявил желание отказаться от католичества и принял Православие (при крещении он

получил имя Юрий). Однако эта явно демонстративная смена веры оказалась недолгой. Уже в следующем 1324 году, по настоянию папы Иоанна XXII, Болеслав Юрий II снова вернулся в лоно католической Церкви и начал самое активное насаждение “латинства” на искони православных землях Червонной Руси. Кроме того, он открыто окружил себя советниками-чужеземцами (в основном, поляками) и всячески игнорировал местную галицкую знать.

Эти действия Болеслава Юрия II вызвали столь сильное возмущение как среди народа, так и среди бояр, что возник заговор, в результате которого правитель-католик был отравлен и скончался 7 апреля 1340 года.

Как пишет историк Ф. М. Шабульдо, “не исключено, что в Кракове знали о неустойчивом положении Болеслава-Юрия и готовились оказать ему помощь”³⁵. Исследователь Л. Войтович идёт в этом вопросе ещё дальше и прямо считает, что смерть Болеслава-Юрия была выгодна польскому королю Казимиру III, являвшемуся близким родственником умершего: теперь он сам мог вполне законно занять волынский престол. Более того, король будто ждал этой смерти, оказавшись (почему-то) заранее полностью готовым именно к такому варианту развития событий. Об этом красноречиво свидетельствует то обстоятельство, — подчёркивает Л. Войтович, — что уже на девятый день по смерти “короля Малой Руси” (как обычно подписывал свои грамоты Болеслав-Юрий) Казимир явился с войсками в Галицию и захватил Львов, хотя, отмечает тот же исследователь, для сбора такого значительного войска в те времена нужно было затратить несколько месяцев. В дальнейшем, словно подытоживая достигнутую победу, король польский Казимир III с 1346 года добавил в свой официальный титул ещё один претенциозный монарший домен, а именно “пан и дедич Руской земли”³⁶.

Практически одновременно с этими событиями в Галиции Великий князь Литовский Гедимин вторгся на Волынь и впервые ненадолго присоединил её к своим владениям. А уже в 1324 году, выиграв битву на реке Ирпени, он захватил Киев³⁷. Так начиналось великое противостояние между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским, более чем полувекковая война, которая продлится вплоть до 1392 года и останется в истории под названием Войны за галицко-волынское наследство.

Итогом же этого длительного, пятидесятидвухлетнего противоборства станет полный раздел земель Галицко-Волинского княжества. 4 июня 1392 года в местечке Остров на литовско-польском пограничье (близ города Лиды) между королём Польши Владиславом Ягайло и Великим князем Литвы Витовтом Кейстутовичем был заключён договор, зафиксировавший следующее: Польша брала себе часть Галиции с городами Галичем и Львовом, Подлясье, Люблин и южные земли Подолья, а также часть Волыни с городами Белзом и Холмом. Соответственно, Великое княжество Литовское оставляло за собой Волынь с городами Владимиром и Луцком, а также часть Подолья. Галицко-Волинское княжество, как единое политическое целое окончательно прекратило своё существование. Уже в скором времени Польша упразднила Галицкое княжество, создав на его территории Русское воеводство польской короны, а Литва объединила подконтрольные ей земли бывшего Волинского княжества в Волинское воеводство.

Но, пожалуй, ещё более важным, чем договор 1392 года, явилось соглашение, заключённое между Польшей и Литвой семью годами ранее вышеназванной даты, а именно — Кревская уния 1385 года. Дело в том, что долгая борьба с Литовским государством за земли Галиции и Волыни основательно утомила Польшу. А потому, не слишком уже надеясь победить противника одной только военной силой, поляки пошли на хитрость. “Как водилось в ту эпоху, — пишет Л. М. Аржакова, — многие из возникавших территориальных и прочих проблем польские политики зачастую пробовали решать с помощью династических уний и брачных комбинаций”³⁸. События развивались следующим образом.

Ещё в 1370 году со смертью Казимира Великого, не оставившего наследника мужеска пола, пресёкся древний род Пястов, королей Польских. В сложившихся условиях единственной, кому польская знать сочла возможным передать опустевший престол, явилась одиннадцатилетняя принцесса Ядвига: именно её решено было короновать. Торжественная церемония состоялась 15 ноября 1384 года в кафедральном соборе Кракова, на Вавельском холме. Причём, так как законы Польши запрещали возводить на трон женщину,

то официально Ядвига с самого начала титуловалась королём (rex)³⁹. Затем для девочки-короля стали спешно искать достойного супруга. И нашли – в том самом государстве, с которым Польша вела войну. Руку “монарха” шляхта предложила Великому князю Литовскому Ягайло.

Как считают историки, Ягайло родился между 1351–1362 годами (точная дата неизвестна). Он был внуком князя Гедимина (подчинившего власти Литвы Киев) и сыном князя Ольгерда, который трижды ходил с войной на Москву с целью её захвата (но безуспешно). Сам же Ягайло ко времени сватовства успел отличиться тем, что со своим войском в сентябре 1380 года пошёл на соединение с ордой Мамай, чтобы поддержать его в сражении с Великим князем Московским Дмитрием Ивановичем. Правда, замешкавшись в пути, он к началу битвы дойти не успел, опоздал. А узнав о разгроме кочевников на Куликовом поле, сразу повернул назад. Есть также свидетельство, что, устроив засаду на пути возвращавшейся домой русской рати, Ягайло напал на её обоз и перерезал всех раненых⁴⁰.

Несомненно, поступившее в 1384 году из Польши предложение Ягайло воспринял как весьма лестное для собственной персоны, ибо женитьба открывала прямую дорогу на польский трон. Также как очевидно и то, что при этом его очень мало смущали главные условия сего “брачного контракта”, тщательно продуманного в Кракове. А основных условий было два. Во-первых, чтобы обвенчаться с Ядвигой и стать королём, Ягайло должен был и сам принять католическое вероисповедание, и крестить Литву – на тот момент уже единственное в Восточной Европе государство, официально ещё остававшееся языческим. Во-вторых, Ягайло обязывался “на вечные времена” объединить все подвластные ему земли Великого княжества Литовского с Королевством Польским. Древняя вера отцов и политическая независимость собственной державы – такова оказалась для Ягайло цена восхождения на трон польских королей.

В конце весны 1385 года в Крево, где находился тогда Ягайло, вновь прибыли польские послы, которые ещё раз потребовали от Великого князя Литовского подтвердить условия заключаемого соглашения. Ягайло в присутствии братьев и придворной знати подтвердил свои обязательства и подписал акт унии. В официальной Кревской декларации от 15 августа 1385 года Ягайло (по-польски – Ягелло) объявил о намерении навсегда “присоединить” (applicare) к польской короне “его литовские и русские земли” (terras suas Utuaniae et Russiae)⁴¹.

Всё дальнейшее было уже делом техники. 12 февраля 1386 года польская шляхта на съезде в Люблине единогласно провозгласила Ягайло королём Польши. 15 февраля 1386 года Ягайло торжественно въехал в Краков, где вместе со многочисленными родственниками и своей свитой принял крещение по латинскому обряду. 18 февраля 1386 года состоялось пышное венчание Ягайло с Ядвигой, и, наконец, 4 марта коронация Ягайло польской короной под именем Владислава II⁴². При этом формально Ягайло оставался и Великим князем Литовским. Но для фактического управления делами в Литве он назначил туда наместником своего двоюродного брата Витовта, который и подписал семь лет спустя, в 1392 году договор о разделе земель Галиции и Волыни...

Между тем, получив во время коронации традиционное благословение Щербцом Болеслава Храброго, Ягайло-Владислав приступил к выполнению взятых на себя обязательств. Во-первых, король стремительным и успешным походом отобрал у Венгрии город Львов, который она захватила “под шумок”, воспользовавшись временем польского бескорольевья. Засим последовал акт крещения Литвы.

В начале 1387 году Ягайло-Владислав вместе с архиепископом Гнезненским и громадной свитой польского католического духовенства прибыл в столицу Литовского княжества – Вильну⁴³, город, основанный, по преданию, Великим князем Гедимином, его прадедом. Так как большая часть литовской знати приняла крещение ещё в Кракове, то теперь предстояло крестить непосредственно народ. По свидетельству польского хрониста Яна Длугоша, король начал с того, что отдал приказ разрушить древнее языческие капище бога Пяркунаса, при этом на глазах у людей был погашен священный огонь жертвенника (пламя жрецы поддерживали постоянно, оно считалось “неугасимым”), и вырубить священные рощи. Было также объявлено, что все, добровольно

согласившиеся принять крещение, получают льготы и подарки, а тех, кто посмеет сопротивляться, ждёт суровая кара. Обещания и угрозы подействовали, народ отовсюду пошёл в Вильну. При крещении раздавались образки, одежда из польского сукна, обувь. Чтобы получить эти вещи, многие бедняки приходили креститься несколько раз подряд⁴⁴.

На месте языческого капища был сразу заложен кафедральный собор во имя св. Станислава (аналогичный главному собору Кракова). Далее Ягайло лично в сопровождении войск и духовенства проехал с миссионерским походом по многим городам и сёлам Виленской и Трокской земель. Поход оказался успешным: уже в 1389 году Папа Урбан VI счёл возможным признать Литву “своей верной дочерью”, а в Вильне учредить епископство. Были также учреждены католические епископства Луцкое и Киевское. . .

Да, читатель, упоминая о католических епископствах в Киеве и Луцке, здесь необходимо следует вспомнить ещё один общеизвестный, но подзабытый исторический факт. Уния с Польшей, как и навязанная поляками христианизация литовских земель по латинскому обряду, нанесла непоправимый ущерб не только всему последующему развитию собственно литовской государственности. Ни для кого не секрет, что уже с самого момента своего возникновения в конце XII столетия Литовское княжество формировалось именно как Литовско-Русское государство, ибо территориально росло, прежде всего, за счёт захватов земель слабеющей империи Рюриковичей. Эти захваты начались ещё до монгольского вторжения на Русь и особенно усилились после него, когда все земли, по которым прошла орда, оказались разорёнными, выжженными дотла, а население было или истреблено, или, разбежавшись, в ужасе пряталось по лесам, так что огромные территории зачастую просто некому было защищать. Это признаёт даже современный украинский историк (канадского происхождения) Орест Субтельный: после монголов, пишет он, “Украина, словно созревший плод, ждала следующего завоевателя”⁴⁵. И этот завоеватель не замедлил появиться. Вся вторая половина XIII, а затем весь XIV век, — подчёркивает М. С. Грушевский, — “были свидетелями чрезвычайно быстрого и успешного расширения власти литовских князей над соседними западными русскими (белорусскими), а потом и более отдалёнными юго-западными (украинскими) землями”⁴⁶.

Так, Литва, уже к началу XIV века подчинив Полоцкое княжество, Минское, Витебское, Лукомское, Друцкое, сцепилась затем (как мы видели) в долгом противоборстве с Польшей за Галицко-Волыньские земли и одновременно приступила к завоеванию коренных территорий Древнерусского государства — Киевщины, Чернигово-Северского княжества, Смоленска. Однако, кроме военной силы, у Литвы имелся ещё один важный плюс, который способствовал ей в этом успешном захватническом движении: сами оставаясь язычниками, литвины терпимо относились и к другим религиям, в частности, к Православию. Более того, очень много литвинов, общаясь с населением захватываемых территорий, по собственной воле перенимали у него Православие. Точно так же, как переняли литвины у русичей письменность⁴⁷: именно древнерусский язык стал в Литовском княжестве первым официальным языком делопроизводства. Наконец, после включения русских земель в состав Литвы полностью сохранились права местной феодальной знати, которая сразу становилась частью господствующих слоёв литовского общества. Всё это делало формирующееся Литовско-Русское государство очень привлекательным для беженцев со всех окраин разорённой и погибшей империи Рюриковичей, давало ему все шансы стать новым центром собирания и объединения русских земель, причём центром гораздо более сильным, географически расположенным намного выгоднее, нежели поднимавшаяся в это же время Москва.

Но все эти шансы и возможности блестящего (если не великого) державного будущего Литва перечеркнула, сама отказавшись от них. Отказалась в тот самый момент, когда её Великий князь Ягайло, пойдя на объединение с Польшей, принял католичество и провозгласил его государственной религией своего княжества. Кривская уния 1385 года положила начало не просто механической инкорпорации (включению) в состав Королевства Польского всех земель, ранее подчинённых Литве; она означала коренной поворот в сторону Запада, западных религиозно-политических ценностей. И поворот этот во многом уже изначально оказался не на благо, а во вред Литовскому государству, его духовным традициям и законам.

Так, с введением католичества, а следовательно, латинского и польского языков, культуры, обычаев, самого уклада жизни, началось массовое окатоличивание и ополячивание литовского народа, особенно высшей прослойки. Но ещё более тяжёлая ситуация (также изначально) стала складываться на подчинённых Литве огромных территориях бывшего Древнерусского государства: невзирая на то, что и народ этих земель, и его знать уже несколько столетий исповедовали Православие, там по воле короля Ягайло-Владислава тоже началось массовое утверждение католичества – при помощи польского духовенства и польских воинских гарнизонов, обосновавшихся в городах. Все приоритеты в занятии государственных должностей и получении новых владений отдавались теперь исключительно полякам-католикам или литовцам, принявшим католическое крещение. Православная знать (не говоря уже о простом народе) полностью вытеснялась из общественной жизни, подвергаясь дискриминации, в первую очередь, именно по вероисповедному признаку.

Так, признаёт исследователь И. П. Крипьякевич, “польская власть всеми возможными средствами закрепляла своё господствующее положение на вновь присоединённой земле, а Ягайло... выступал как самый горячий протектор польской экспансии. Польским вельможам он целыми огромными округами отдавал земли, которые прежде принадлежали Галицким боярам: например, Ряшын получил Пакослав, Ярославщину – Тарновские, Самборщину – Спитко, Подолию – Бучацкие. Пришло также много мелкой польской шляхты, которая получила земли с обязательством постоянно проживать в Галиции. Города получали немецкое (то есть магдебургское. – Н. П.) право, но с обязательным условием, что этим правом могут пользоваться только католики, – так украинское население должно было отступать перед чужими колонистами. Ягайло поддерживал польское духовенство. В 1412 году **он передал католикам древнюю православную кафедру в Перемышле и приказал выбросить из её подземелий кости захороненных там бояр**”⁴⁸. Думается, это историческое описание, сделанное крупнейшим украинским историком “самостийнического” направления, лучше всего бы то ни было иного свидетельствует, сколь реально трагичен и горек был итог политического выбора Ягайло-Владислава как для собственно литовских земель, так и для тех земель будущих Украины и Белоруссии, которые перешли сначала под власть Литвы, а затем, уже вместе с ней, – под власть католической Польши.

На этих примерах становится также ясно видно и то, что уже в те далёкие времена существовало понимание, сколь важны для народа сохранение (или же, наоборот, УНИЧТОЖЕНИЕ) его веры и исторической памяти, утрачивая которую люди превращаются в ничто, в бездушное стадо. Именно в быдло, рабочий скот стремились превратить поляки-католики православное население захваченных коренных земель Древней Руси, в первую очередь, с этой целью закрывали они православные храмы, оскверняли древние могилы, вводили католицизм.

Но, как и в начале XI столетия, поляки вновь встретили сопротивление. Историк Г. В. Вернадский подчёркивает: “Так как народное большинство в старой Литве и вся Русь не хотели изменить Православию, отставать от прежних привычек и обычаев, то неизбежно возникла вражда культурная и национальная”. Та самая вражда, которая уже два с половиной столетия спустя взорвёт Польшу изнутри, положит начало её крушению как самостоятельного государства. Не забудем: первый, наиболее тяжёлый удар нанесут “ненавистным ляхам” поднявшиеся на защиту своей Православной веры запорожские казаки...

Эти же два с лишним века будут и временем наиболее острого противоборства объединённых Польши-Литвы⁴⁹ с рождающейся Российской державой, правящие монархи которой, Рюриковичи, ещё с XV столетия открыто провозгласив свои законные права на историческое наследие древнего Киева, возьмут курс на освобождение и возвращение всех утраченных ранее территорий Древнерусского государства. Поглотившая земли западной и юго-западной Руси, Речь Посполитая упорно будет препятствовать этому новому собиранию, осуществляемому Москвой, и столь же упорно продолжит рваться далее на Восток. Так, например, как это произойдёт в 1581 году, когда король Польский Стефан Баторий, возглавив пятидесятитысячную армию наёмников со всей Европы, осадит древний русский город Псков. Или так, как в 1610–1612 годах, когда польские войска захватят Смоленск, победителями

войдут в Москву. Последние события станут подлинным апогеем “шляхетско-католической экспансии на Восток. Возникнет реальная угроза уничтожения русской государственности”⁵⁰. Но и это Россия тоже преодолеет, со временем полностью изгнав непрошенных гостей из своих пределов. И повторится это ещё не раз. . .

Думается, отчётливо виден зловещий отблеск Щербца короля Болеслава и в той трагедии, которая происходит сегодня на Украине, и в той гибельной анархии, которую настойчиво пытаются учинить в Белоруссии. Как и тысячелетие назад, воспользовавшись нашими внутренними проблемами, коллективный Запад вновь стремится нанести нам жестокий удар, расколоть, разъединить, превратить в быдло, наконец, полностью уничтожить – так, как были полностью уничтожены десять столетий назад полабские и поморские славяне Центральной Европы. Нам всем необходимо знать и помнить об этом. Память зовёт бороться!

г. Киев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “Великая хроника” о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. (Перевод и комментарии) / Под ред. В. Л. Янина. Сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., 1987. С. 67–68.

² Там же.

³ Вязигин С. А. Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность. СПб, 1891. С. 56.

⁴ “На их могилах водружают немцы-победители крест, и вместе с тем и своё знамя – знамя немецкой народности”. – См. Первольф И. Германизация балтийских славян. СПб, 1876. С. 3.

⁵ См.: Грацианский Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943.

⁶ Голубинский Е. Е. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдавальной. М., 1871.

⁷ Как пишет историк, у молодого Польского государства “на первых порах не хватало сил для успешной борьбы с немцами. В 963 году Мешко столкнулся с маркграфом Героном. Результат столкновения был тот, что он должен был признать свою зависимость от немецкого императора. В этом положении Мешко оставался до конца своей жизни; между прочим, он должен был помогать Оттону III в усмирении восстания полабских славян”. – См. Любавский В. К. История западных славян. М., 1918. С. 32.

⁸ Тем самым Болеславом, который, следуя “внушению ангела”, отправится в 1018 году с завоевательным походом на Киев.

⁹ “Великая хроника” о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. С. 67.

¹⁰ Рамм Б. Я. Папство и Русь. М., 1955. С. 46.

¹¹ Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005. С. 162.

¹² Ибо Туров – ныне город в Житковичском районе Гомельской области, один из древнейших городов современной Белоруссии и столица Туровского княжества в XIII вв.

В 960–980 годах, как и Червенские города, Туров находился под властью Польши и также был отвоёван князем Владимиром в ходе его противоборства с Болеславом Храбрым. Среди исследователей существует даже мнение, что Туров подвергся христианизации по латинскому обряду вместе с прочими польскими землями, вследствие чего на момент крещения Руси в 988 году по православному обряду в Турове уже могло существовать латинское епископство, подчинявшееся архиепископу Гнезненскому. См. Костромин К. Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб, 2016. С. 104–114; Черемин А. А. Туровское княжество (X–XIV века). Минск, 2012. С. 19–20, 27–28.

¹³ Титмар Мерзебургский. Хроника. С. 163.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Том 1. Выпуск 1. Повесть временных лет. Лаврентьевский список. Ленинград, 1926. Стлб. 130.

- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб, 1908. Стлб. 126.
- ¹⁷ Там же. Стлб. 130.
- ¹⁸ Новгородская Первая летопись. М., 1952. С. 175.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стлб. 130; Новгородская Первая летопись. С. 175.
- ²⁰ Местоположение древнего города с именем “Волынь”, стоявшего на реке Западный Буг, указывают в 20 км от современного Владимира Волынского. К слову, по этой же реке проходит ныне восточная граница ЕС с Белоруссией и Украиной.
- ²¹ ПСРЛ. Том 1. Выпуск 1. Повесть временных лет. Лаврентьевский список. Стлб. 143.
- ²² См. Новицкий И. А. Грозный день Перуна. // Вестник славянских культур. 2016. Т. 41, № 3. С. 78.
- ²³ Там же. С. 84.
- ²⁴ Титмар Мерзебургский. Хроника. С. 177.
- ²⁵ Галл Аноним. Хроника и деяния князей и правителей польских. Предисловие, перевод и примечания Поповой Л. М. М., 1961. С. 36.
- ²⁶ Толочко П. П. Древняя Русь. С. 77.
- ²⁷ ПСРЛ. Том 1. Выпуск 1. Повесть временных лет. Лаврентьевский список. Стлб. 145.
- ²⁸ Всего десять месяцев, как свидетельствует польский хронист. – См. Галл Аноним. Хроника и деяния князей и правителей польских. С. 36.
- ²⁹ Рамм Б. Я. Папство и Русь. С. 51.
- ³⁰ ПСРЛ. Том 1. Выпуск 1. Повесть временных лет. Лаврентьевский список. Стлб. 145.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стлб. 133.
- ³² ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стлб. 826–827.
- ³³ Венгерские короли были тесно связаны династическими браками с домом Романовичей и давно хотели занять Галицкие земли. Ещё в 1205 году после внезапной смерти князя Романа Мстиславича венгерский король Андраш II был коронован папой Римским королём Галиции и Лодомерии (лат. *Dei gratia, Hungariae, Dalmatiae Croatiae, Romae, Seruiae, Galliciae, Lodomeriaequae rex*). Именно исходя из этого факта, в Венгрии считали, что имеют самые большие права на галицко-волынский престол.
- ³⁴ Фактически братья разделили между собой земли княжества и правили вполне самостоятельно: Андрей – во Владимире Волынском, Лев – в Галиче. См. Шабульдо Ф. М. Земли юго-западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 22.
- ³⁵ Там же. С. 38.
- ³⁶ Войтович Л. Галицко-Волинські етюди (Польща, Мазовія, Литва й Угорщина у боротьбі за спадщину Романовичів). Белая Церковь, 2011. С. 363–379.
- ³⁷ Шабульдо Ф. М. Земли юго-западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 27, 32–33.
- ³⁸ Аржакова Л. М. Имперские черты шляхетской республики. Вестник СПбГУ. Серия 2. 2010. Выпуск 4. С. 46.
- ³⁹ Тымовский М. История Польши. М., 2004. С. 108.
- ⁴⁰ Гумилёв Л. Н. От Руси к России. М., 1992. С. 164.
- ⁴¹ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 146.
- ⁴² Вот как описывает эти события Хроника Быховца: “Взяв с собой двоюродного брата своего великого князя Витовта и родного брата своего Скиргайла, и князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского, и своих двоих племянников, князя Ивана Владимировича Бельского и брата его князя Андрея Владимировича Могилевского, и с многими иными князьями, и панами литовскими, поехал на коронацию в Краков. И архиепископы, и епископы все и вся рада польская встретили с процессиями великого князя Ягайла перед городом Краковом, и там его приветствовали и приняли, и проводили его с почётом и с весельем великим в замок в костёл святого Станислава. И там Ягайло, войдя в церковь, принял римскую веру и крестился, и дали ему имя Владислав, и потом его короновали, и королевну Ядвигу дали ему в жёны. И тогда же и князь великий Витовт крестился и принял веру римскую, и дали ему имя Александр, и многие иные паны литовские, которые там были, крестились”. См. Хроника Быховца. М., 1986. С. 67.

- ⁴³ Вильна – по-польски Вилью, по-литовски – Вильнюс, русско-литовский город, согласно сообщениям летописей существовал уже в XII в. Исторически известен с 1323 года как столица Великого княжества Литовского и Русского Гедимина, при котором в городе жили литовцы, русские и поляки; каждая народность сохраняла свою веру и обычаи.
- ⁴⁴ Длугош Я. Грюнвальдская битва. М., 1962. С. 10.
- ⁴⁵ Субтельний О. Україна. Історія. С. 70.
- ⁴⁶ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. С. 139.
- ⁴⁷ На тот момент собственной письменности Литва ещё не имела.
- ⁴⁸ Крип'якевич і. П. Історія України. –Л.: Світ, 1990. С. 112.
- ⁴⁹ В подтверждение Кревской унии 1385 года, Польша и Литва заключили 28 июня 1569 года ещё одну унию – Люблинскую, знаменовавшую рождение нового федеративного государства, известного в истории как Речь Посполитая.
- ⁵⁰ Фортунатов В. В. Отечественная история. СПб, 2012. С. 147-148.